

УДК 13

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.070

Война в социально-философской традиции: опыт научного анализа

Агапов Платон Валериевич

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории и теории социологии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: platonbogun@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию войны в философской и научной традиции как сложного социального явления. Автором рассматриваются социально-исторические и социокультурные аспекты войны в контексте истории восточной (китайской) и европейской социальной мысли. Показаны основные подходы к анализу войны как социального явления. Говорится о том, что основаниями войны как социального феномена является взаимодействие причин, поводов, целей, случайных факторов и объективных закономерностей. В статье отмечается, что изменение взглядов на войну происходит со сложной трансформацией этого социального явления. Демонстрируется современное понимание войны как сложного социально-политического явления.

Для цитирования в научных исследованиях

Агапов П.В. Война в социально-философской традиции: опыт научного анализа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 162-175. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.070

Ключевые слова

Философия и социология войны, война, структура войны, социальная и политическая агрессия, конфликт цивилизаций, философские подходы, стратегия.

Введение

Война всегда была предметом социальных мыслителей, а не только военных теоретиков и стратегов. Война как социальное явление всегда интересовало пытливый человеческий ум. В современной общественной науке сложилось устойчивое предметное поле научного поиска – социология войны [Добренков, Агапов, 2011]. Поэтому так важно обратиться истории социальной мысли о войне.

Опасность развязывания новой мировой тотальной войны («войны всех против всех») не снята с повестки дня в XXI веке. Войны были и остаются важнейшими историческими экзаменами государств, народов, цивилизаций на выживание и развитие.

Научный анализ современных и будущих войн, их происхождения, сущности и многоаспектности имеет исключительно актуальное значение. О войне писали многие выдающиеся мыслители и деятели прошлого и настоящего [Требин, 2003]. Их совокупными усилиями раскрыты сущность войны, соотношение войны и политики, войны и экономики и культуры.

Основная часть

Классические концепции войны сложились в Древнем Китае вместе с классическими школами философской и политической мысли. Это произошло в эпоху, традиционно именуемую временем Борющихся Царств. Она охватывает почти три столетия - с V по последнюю четверть III в. до н. э. Китай вступил в эпоху раздробленности и сосуществования множества самостоятельных царств. Естественно, участились конфликты между правителями отдельных уделов, а самые могущественные царства вступили в постоянную борьбу за верховенство во всем Поднебесном мире. Все это дало толчок развитию военного дела и появлению зачатков военной теории.

Китайские правители и военные прекрасно понимали сущность и значение приемов и способов ведения войны. Но только великий древнекитайский военный теоретик и полководец Сунь-Цзы дал полное, последовательное описание приемов и способов ведения войны и их подробный анализ. Его «Трактат о военном искусстве»¹, написанный около 400 г. до н. э., впервые в истории содержит сжатое, последовательное, систематизированное изложение факторов победы в войне. С содержанием «Трактата о военном искусстве» можно ознакомиться по работам Н.И Конрада и В.В. Малявина [Кондар, 1950]. Взгляды Сунь-Цзы на войну оказали принципиальное влияние на не только военное искусство Востока, но Запада [Лиддел-Гарт, 2003].

«Трактат о военном искусстве» начинается с определения места войны в жизни государства: *«Война - это великое дело государства. Она есть причина жизни и смерти, путь существования и гибели, а потому относиться к ней нужно с великим тщанием»* [Малявин, 2002].

В лучших традициях определения военной стратегии в основу войны кладет пять явлений. *Первое - Путь, второе - Небо, третье - Земля, четвертое - Полководец, пятое - Закон*, где каждое из названий является символом для геополитического и военного явления:

---

¹ Полное название трактата «Сунь-Цзы бин фа», что в точном переводе с китайского значит «Правила ведения войны мудреца Суня».

Путь - это цивилизационный приоритет, Небо - место в истории и историческая необходимость, Земля - геополитическое положение, Полководец - система управления, организация и пропаганда, Закон - численность, технология. Оценив эти пять факторов, можно предсказывать исход военной борьбы.

Каждый полководец должен досконально разбираться в этих пяти обстоятельствах военных действий. Тот, кто их понимает, одержит победу, а кто не понимает - победы не увидит [Малявин, 2002, с. 118]. Вот почему при составлении плана военных действий надлежит вникать в соотношение сил.

Сунь-Цзы считал, что тщательное планирование военных действий и точная информация о противнике являются ключом к достижению успеха. Главная задача военачальника, по его мнению, состояла в том, чтобы раскрыть истинный замысел действий и намерения врага, так как введение противника в заблуждение («обмани») представляет собой фундаментальный закон войны. Полководец должен скрывать расположение своих сил и держать в тайне свои планы, уметь имитировать слабость. Военная хитрость - его оружие. Пусть враги думают, что он рядом, когда он далеко, и наоборот. Никаких лобовых ударов. Продемонстрируй ложную активность на одном участке, а наступай на другом. Длительная война ведет к большим потерям в живой силе и истощению финансов, поэтому необходимо стремиться к достижению быстрой и решительной победы над противником.

Мудрый стратег, по китайским понятиям, должен ненавидеть войну и прибегать к военной силе только при крайней необходимости. Следовать этому правилу полагалось не из каких-то абстрактно-гуманистических соображений и тем более не из малодушия, а руководствуясь практическими целями: укрепить свою власть, расширить свои возможности и не в последнюю очередь - распространить добродетель в мире. Китайский стратег избегает открытого противоборства не потому, что считает войну «грязным делом», но прежде всего потому, что всякая конфронтация непродуктивна, разрушительна для обеих сторон. В драке на самом деле не бывает и не может быть победителя. Китайский стратег выигрывает войну мирными средствами или во всяком случае одерживает победу без видимых усилий. Сунь-Цзы был теоретиком «стратегии непрямых действий», которая в полной мере раскрылась сейчас, в эпоху информационных войн.

Перед нами не просто «военная доктрина», имеющая лишь прикладное значение, но плод длительного вызревания цельного и очень последовательного мировоззрения, укорененного в многовековом опыте китайской цивилизации.

В китайской культуре войны стратегический аспект военного действия оказывается неотделимым от морали и человеческой социальности в целом. Понимание военного конфликта не только как разрушительного, но и созидательного, является непреложной истиной войны, которая сама определяет правильный выбор спектра действия, формирует качество человеческих отношений.

Европейские классики военной теории (О. фон Клаузевиц и др.) видели в войне апофеоз разрушения, смертельное противоборство двух военных машин. Цель войны - уничтожение враждебного государства. Европейским военным теоретикам не хватало мудрости китайских стратегов, которые видели в войне не только разрушительное, но созидательно-конструктивное начало. Китайская военная мысль уделяет много места анализу человеческого, в частности духовного, фактора на войне, духовным началам самой войны, не ограничиваясь рамками сухой военной теории. Она была в действительности выражением глубочайшей, пронизывающей всю китайскую культуру жизненной ориентации именно на взаимное

сосуществование людей, на развитие жизни в мире.

Теперь обратимся к западноевропейскому мировоззрению, к древним грекам, являющимся для нас первоисточником любой, не только философской, но военной мысли. Древнегреческий философ, диалектик *Гераклит* (ок. 544 - ок. 483 до н.э.), рассматривал войну как своего рода космическое явление, всеобщий закон природы. Её причины якобы лежат в истоках бытия вселенной, а сама война играет роль генератора всякого движения. Он утверждал, что «война - отец всего, мать всего», «все возникает и разрушается через войну», «бессмертные - смертны, смертные - бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают» [Материалисты Древней Греции, с. 45]. Правда, отрывочность дошедших до нас высказываний Гераклита не позволяет точно установить толкование им термина «война». В определенной степени этот термин может расцениваться как совпадающий с понятием борьбы вообще («все происходит через борьбу и по необходимости»).

Древнегреческий философ-энциклопедист *Аристотель* (384-322 до н.э.) говорил об экономических причинах войн (по существу, об экономической и военной агрессии): «Военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива. Итак, один из видов искусства приобретения является по природе своей частью науки о домохозяйстве» [Аристотель, 1983, с. 389].

В Римской империи восторжествовала точка зрения «естественной» враждебности людей друг к другу. Римскому философу *Иосифу Плавту* приписывается изречение: «*Homo homini lupus est*» («Человек человеку волк»). Это изречение, подхваченное в XVI веке английским философом Томасом Гоббсом, до сих пор выступает образом агрессивного мира, своеобразным знаменем множества учений, возлагающих ответственность за войну и агрессию на «волчьи законы» человеческой жизни, на самую агрессивную природу человека, на законы борьбы за выживание сильнейшего и т.д.

В Средние века толкование войны полностью монополизировала христианская церковь. Под ее лозунгами осуществлялось немало кровавых агрессивных акций: «крестовые походы» европейских рыцарей; религиозные войны, связанные с реформацией католицизма. Встречалась и своеобразная апологетика военного насилия, например, культ бога войны Одина. Один из «отцов церкви» *Аврелий Августин* (354-430) признавал войну необходимым злом, без которого не может быть блага христианского мира и справедливости. Война есть продукт Божественного предопределения, то от Бога исходит и истинная справедливость войны, ведущейся во имя веры, во имя христианства.

Эту концепцию развивал *Фома Аквинский* (1225-1274). Он считал, что война будет справедливой, если она порождена освященными церковью «законными причинами», ведется «законной властью», преследует «законные цели» [Антология средневековой мысли, 2001].

Одну из первых попыток системного анализа войны предпринял флорентийский теоретик и государственный деятель *Никколо Макиавелли* (1469-1527). Великий военный теоретик и политолог эпохи Возрождения считал конфликт универсальным и непрерывающимся состоянием общества ввиду порочной природы человека, стремления различных групп людей к постоянному и неограниченному материальному обогащению. По его мнению, свойства людей таковы, что они отдают предпочтение агрессивным военным решениям при столкновении с проблемами, возникающими в жизни человеческого общества. В целом, война нужна для того,

«чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. Ни для чего иного победа не нужна» [Макиавелли, 1934, с. 103-104, 105, 176, 193, 218].

Говоря о становлении теории сущности и происхождении войн в истории человечества, необходимо сказать о взглядах крупнейших представителей немецкой классической философии *Иммануила Канта* (1724-1804) и *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля* (1770-1831). И. Кант считал, что состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние. Последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянные угрозы. Следовательно, состояние мира должно быть сознательно установлено.

Гегель предлагал осознать «высокое значение войны» и ее место в решении политико-правовых вопросов внутривнутриполитической и внешнеполитической деятельности государств. Он подошел к пониманию войны как орудия политики: «войсками пользовались для достижения особых целей политики» [Гегель, 1935, с. 291].

Огромное влияние на формирование современных взглядов на сущность войны и военной агрессии оказал немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии Карл фон Клаузевиц (1780-1831). Его важнейшим достижением явилось определение политической природы войны, выяснение органической взаимосвязи вооруженной борьбы и политики. В предисловии к самой известной своей книге «О войне» он писал: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами». Он акцентировал внимание именно на насильственных средствах военной агрессии. «Война, - отмечал К. Клаузевиц, - это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц, 2002, с. 11, 23]. В заголовке одного из параграфов своего труда он приводит и другое определение войны: «Война есть акт людских отношений». И далее: «Война... относится к области общественной жизни. Война есть столкновение крупных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов» [Клаузевиц, 2002, с. 163]. По мнению К. Клаузевица, на протяжении всей истории международные военные конфликты являлись не биологической неизбежностью, не отклонением от нормы в курсе той или иной державы или проявлением своенравности монарха, а закономерным развитием тех политических процессов, которые шли внутри государств и на мировой арене до перерастания их в военный конфликт.

Ценность исследований К. Клаузевица о войне состоит не только в том, что он дает ставшую уже *классической концепцию природы войны* и ее роли в исторической жизни народов. Он показывает механизм войны, дифференцирует ее типы и виды, вскрывая немаловажную, хотя и не одинаковую роль всех институтов государства и общества, всех социальных групп, классов, элиты и народных масс в процессе исторических кризисов и катастроф, сопровождавшихся войнами. Заслугой К. Клаузевица является и то, что он выходит на проблемы современных войн. Он постоянно напоминает, что войны, как правило, ведутся с политическими, а не военными целями и приводятся в действие не столько физическими, сколько в первую очередь духовными силами. В то время как большинство военных специалистов и историков сосредоточивались на осязаемых величинах стратегии, материальных факторах и ресурсах, К. Клаузевиц, по сути, исходил из единства мотиваций и ресурсов.

Клаузевиц своим трудом «О войне» стремился подготовить правителя к компетентному управлению страной (государством) и вооруженными силами в условиях войны, потому что мало поставить политическую цель войны, нужно еще знать средства, которыми должна быть достигнута эта цель. «Война - это акт насилия, имеющий целью заставить противника

выполнить нашу волю. Это насилие использует изобретение искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же... физическое насилие является средством, а целью - навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишив его возможности сопротивляться.

Война исходит из общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ограничивается и измеряется» [Клаузевиц, 2002, с. 34-35].

«Война не только бывает настоящим хамелеоном, так как в каждом конкретном случае она несколько изменяет свою природу...» [Клаузевиц, 2002, с. 57].

В то же время «хамелеон» войны одновременно является двуликим. Одно лицо войны обуславливает изменчивость и способность приспосабливаться к современному, другое - постоянство, которое и составляет в совокупности природу и сущность войны.

В своем трактате «Философия войны» другой исследователь *М. Ревон* еще дальше продвинулся в деле познания природы войны путем конкретных исторических обобщений. Особенно ценно указание автора на совершающееся в истории преобразование войны, метаморфозы ее сути и смысла, форм и содержания. Война, доказывает *М. Ревон*, явление не сверхъестественное, а объективное, естественно-историческое. Поэтому эволюция человеческого знания может и должна «соответствовать действительному ходу вещей».

«Война как *мировой закон* проявляется всюду, тысячами мощных столкновений разнuzданных стихий, вечных агоний всего живого, борьбою добра и зла - *закон необходимости* и неизбежности, которую не может не признать здравый смысл отдельного человека» [Ревон, 1897, с. 63].

Огромный вклад в исследовании роли войны в жизни цивилизаций внес *А. Тойнби*. Крупнейший английский историк и социальный философ Арнольд Джозеф Тойнби (1889-1975) рассматривал вопросы войны с большой подробностью и широтой в главном своем труде жизни - 12-томном «Постижении истории» (1934-1961), а также в составленной на основе первых шести томов этой работы книге «Война и цивилизация» (1950). Во всех этих работах проблема войны анализируется не сама по себе, а в контексте его социальной философии. Тойнби считает войну историческим явлением. Войны, в его понимании, «сопровождают нас с тех времен, когда первые цивилизации поднялись над уровнем примитивного человеческого бытия, а было это около пяти-шести тысяч лет назад» [Тойнби, 2003, с. 280]. Вместе с тем Тойнби делает определенную уступку теории врожденной агрессивности человека, полагая, что институт войны является «социальным отражением темной стороны человеческой природы...» [Тойнби, 2003, с. 281]. Согласно *А. Тойнби*, война есть ориентированное и институционализированное свершение жестокого насилия. Во время войны человеческие существа сражаются и убивают друг друга по приказу публичной власти - правительств государств или импровизированных правительств в гражданских войнах. Как правило, расширение культурной ойкумены (населенной территории) зарождающихся и развивающихся классовых обществ в силу внутренних и внешних антагонизмов осуществлялось насильственными средствами. Правда, в эпоху становления и укрепления классового антагонистического общества объективно не существовало иного пути вовлечения неосвоенных территорий и первобытных племен в русло всемирно-исторического прогресса и цивилизации, чем трагический и кровавый путь завоеваний и насилия. Рассматривая период роста локальных цивилизаций, Тойнби не считает, что завоевание соседних народов служит показателем роста.

Тойнби выявил тенденцию к возрастанию «злокачественности» войн по мере движения мировой истории. В предшествующих фазах истории государства часто находили возможным

предаваться войне друг с другом с видимостью безнаказанности даже для потерпевшей поражение страны [Тоунбее, 1950, р. VIII-IX].

Тойнби считает общим местом утверждение о том, что импульс индустриализма увеличил ужасы войны. «Импульс демократии», по его мнению, имел в этом отношении еще большее значение: «Демократия не просто не смогла сработать против войны, но в полном смысле слова вложила свою «двигательную силу» в войну и сделала еще больше, чем ее собрат индустриализм, превратив военные конфликты королей XVIII века в чудовищную «тотальную войну».

Одним из первых Тойнби заговорил о столкновении цивилизаций. Он видел главное направление цивилизационного противостояния в конфликте между Западом, т.е. широко понимаемой европейской цивилизации (включая США), и остальным миром. Цивилизационный экспансионизм Европы обернулся против нее самой:

«В столкновении между миром и Западом, которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно Запад, а не остальной мир обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар, и очень сильный, остальному миру, как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все - русские и мусульмане, индусы и китайцы, и все остальные ответят одинаково. Запад, скажут они, - это архиагрессор современной эпохи, и у каждой найдется свой пример западной агрессии» [Тойнби, 2003, с. 436]. Столкновения между цивилизациями, неоднократно повторяет Тойнби, - наиболее вероятный путь, по которому может в будущем пойти человечество. Влияние Запада на остальной мир и ответные контрудары, контрвливание других цивилизаций будут определять облик и перспективы мира уже в обозримом историческом будущем. Тойнби указывает основные линии, по которым будет проходить «разлом цивилизаций».

А. Тойнби выходит на важнейшие военно-политические проблемы цивилизации «Когда встречаются две и более цивилизаций, - писал он, - они должны отличаться между собою своими возможностями. Человеку по своей природе свойственно стремиться использовать всякую благоприятную возможность. А потому более мощная цивилизация скорее всего использует преимущества своего превосходства и делает это весьма агрессивно до тех пор, пока сохраняется восходящая траектория ее развития. Представители такой цивилизации, вторгаясь чужой социум, зачастую склонны считать себя богоизбранными людьми, не такими, как все остальные, бессознательно третируя своих собратьев как неполноценных и низших.

Наименее бесчеловечный характер имеет поведение той агрессивной цивилизации, в культуре которой доминирует религия. В таком случае представители агрессивной цивилизации склонны считать своих слабейших партнеров религиозно ничтожными, различая себя и своих противников как «агнцев и козлищ» [Тоунбее, 1978, р. 117-123; 16, с. 298-299].

А. Тойнби усматривал в войне явление, сопутствующее надлому и распаду цивилизаций. Усложнение цивилизаций приводит к тому, что и война во все усложняющихся формах и увеличивающихся масштабах поглощает все более значительные ресурсы общества. Поэтому А. Тойнби констатирует более заостренную противоречивость развития «исторических народов» по сравнению с «доисторическими».

А. Тойнби безусловно осуждает войну, усматривая в ней проявление моральной неспособности общества справиться со своими внутренними проблемами. Чем успешнее цивилизованные народы в лице своих государств развиваются в условиях мира, тем сильнее они саморазрушаются в период войны. По крайней мере «дикари» и «варвары» не растрачивают на

войну столько богатств, людских, материальных и духовных ресурсов.

Война как средство (одно из средств) политики есть не более чем функция государства и конфликт интересов, прежде всего, в связи и по поводу государственной власти во всех ее проявлениях.

А. Тойнби признает огромную объективную роль войны, армий и полководцев на всех этапах развития цивилизаций, особенно кризисных. Он считает, что война не сводится к военному насилию, но является проявлением борьбы духовной, и что всякая война отражает состояние цивилизации. В своих трудах он доказывает, что окончательная победа - пагубная иллюзия: в стратегии нет военных побед, а есть лишь успех политики, и по большому счету - успех исторический [Тоунбее, 1978].

Согласно другому теоретику войн *Филипп Куинси Райту* (1890 – 1970), цивилизация проходит четыре последовательные стадии развития: 1) героический период выдвижения нового социального идеала, 2) период потрясений и длительных войн, внутренних и внешних, 3) период стабильности и сплочения подчас в мировое государство-империю, 4) период усталости, упадка, потери веры [Wright, 1942].

На всех этапах истории цивилизаций в конфликтах их носителей присутствовали элементы религиозной, политической, экономической и социокультурной борьбы. Им соответствовали: проповедь, пропаганда, конкуренция и насилие. Преобладание одного из этих начал не исключало значение всех остальных. И, что особенно важно, любой из четырех типов внутри любого межцивилизационного противоборства был чреват обострением до уровня вооруженного конфликта, т.е. войны. Поэтому отнюдь не случайно военное искусство, хотя и подспудно и противоречиво, срасталось с геополитикой как мироустроением, регуляцией межгосударственных отношений. Степень зрелости цивилизаций К. Райт видит в уровне изощренности геополитики как стратегии выживания-и-развития, будь то научная теория или политическая практика. Типология «цивилизованных» войн как раз и приближает нас к выявлению характера и возможностей геополитики разных обществ в различные времена.

Войны, бесспорно, были и подчас остаются важнейшими историческими экзаменами государств, народов, цивилизаций на выживание и развитие. Чтобы оценить в этом плане возможности конкретного общества, следует сначала выявить его *способность к ведению войны*. Хотя военная активность на четырех этапах развития цивилизации неодинакова (максимальна на втором этапе — в период политических потрясений, минимальна на третьем — социально-экономической стабилизации), она находила выражение в интенсивности военных действий, характере армии, операций и целей войны, обосновании правомерности вооруженного насилия. По мере развития цивилизации армии становились все многочисленнее и абсолютно, и относительно численности населения, войны становились все затратнее и приносили все больше издержек, их интенсивность возрастала, а средняя продолжительность падала. Охватывая все большие пространства, войны оставляли все меньше безопасных мест для гражданского населения. Поэтому возникала необходимость более четко отличать войну от мира и к тому же расценивать саму войну как явление все более аномальное.

Цивилизации разных типов отличаются степенью и характером своей воинственности. Воинственность находит выражение в кровавых религиозных ритуалах, жестоких видах спорта и зрелищах, агрессивности, выражающейся в частоте прибегания к войне, военной морали, находящей свое выражение в дисциплине армии и народа; в степени централизации власти и ее деспотичности.

К. Райт показывает, что воинственность конкретных народов объяснялась не какими-то их

генетическими свойствами, а сложным комплексом конкретно-исторических обстоятельств – внутренних и внешних [Ерасов, 1999, с. 298-299]. Войнственность цивилизации обусловлена специфическим сочетанием социальных, политических, религиозных и военных институтов, это конкретно-историческая система средств и способов адаптации к не самым благоприятным условиям внешней среды. Это означает, что войнственность никак нельзя объяснять отдельными и частными причинами. Ее степень во многом зависит от привычки к жестокости, закрепленной кровавыми ритуалами и играми, частоте активных вторжений в ходе колониально-имперских или межгосударственных войн, силе политического деспотизма, территориальной и функциональной концентрации власти.

К. Райт вообще считает первичной функцией войны именно обеспечение стадийной преобладности в развитии цивилизации. Наряду с этим войны способствовали распространению одних культур за счет подавления, вытеснения, ассимиляции других. Совсем не случайно более широко и успешно распространялась, как правило, культура более воинственных цивилизаций. Напротив, внутри конкретных цивилизаций элементы культуры более успешно распространялись мирными средствами: торговля, образование, усилия путешественников.

Роль войны внутри цивилизаций была иной. Как и в первобытном обществе, мобилизация для войны способствовала сплочению народа. Напротив, укреплению статус-кво внутри цивилизации войны, как выясняется, не способствовали: от них обычно больше и чаще выигрывали сторонники перемен. Вот почему сторонники статус-кво стремились прибегать к мирным средствам убеждения, пропаганды, экономического контроля. В процессе оформления цивилизаций одни средства заменялись другими. Так, если империи создавались военным путем, то стабилизировались и устраивались они мирными средствами.

«Цивилизованные» («исторические») войны велись и ведутся обычно на уровне духовном за абстрактные социальные символы религии, культуры и права, чем и объясняется столь высокая и неординарная роль «символического» насилия в войне. При этом в политике и стратегии цивилизованных народов способность вести войну (и вести ее вполне успешно) намного важнее для утверждения под «солнцем» мировой политики, чем конкретные победы в той или иной войне. Между тем войны тем и отличаются от более элементарных конфликтов, что ведутся за ценности, далеко превосходящие непосредственные интересы участников.

Изъян большинства цивилизаций и методов ведения ими «цивилизованных» войн состоит, по К. Райту, в том, что религиозные, политико-правовые, экономические взгляды эклектически соединялись в военных доктринах вместо выдвижения цельного учения о жизненно важных приоритетах, основных исторических интересах государств.

Важное отличие «цивилизованных войн» К. Райт видит в том, что они опирались на идеологию. Эта идеология воплощалась в виде представлений о праве войны и законах войны, которые отражались в военной доктрине. В этой доктрине религиозно-этические и экономические приоритеты цивилизации соединяются с политико-правовыми приоритетами государства; те и другие используются для объяснения и оправдания войны. Военная доктрина двуедина. Ее первый компонент составляет сумма религиозно-этических и философских представлений о конкретных условиях допустимости войны – о праве на войну и о допустимых средствах ведения войны. Второй компонент военной доктрины регламентирует право конкретных лиц и социальных институтов на ведение войны; этим правом максимально ограничиваются рамки частных войн, им наделяются практически исключительно правители суверенных государств.

Как это ни странно на первый взгляд, подчеркивает К. Райт, излишняя воинственность конкретных цивилизаций указывает на их несоразмерно меньшую долговечность по сравнению с цивилизациями более миролюбивыми. Для последних война - лишь крайнее средство, тогда как для первых—зачастую главное средство, если, не самоцель политики. Не менее важен вывод К. Райта о том, что милитаризм парадоксальным образом, но неотвратно ведет к деградации военного искусства и боевого потенциала вооруженных сил, государства и общества в целом. Происходит это опять же из-за слабости концептуальной базы цивилизации, неумения правильно определить и «взвесить» ценностные приоритеты борьбы за историческое существование, правильно соизмерить их с наличными силами и возможными издержками предстоящей борьбы. От уровня развитости и совершенства самосознания в вопросах войны и мира в первую очередь зависит ее не просто долговечность, но самая способность ее исторического бытия.

Основная концепция К. Райта состоит в том, что от уровня и совершенства самосознания, от степени теоретической рефлексии цивилизации в вопросах войны и мира зависит не просто ее долговечность, но и самая способность ее исторического бытия. Как мы убеждаемся, К. Райт во многом прав, хотя противопоставлять войну и культуру историческая объективность все же не позволяет. Ни один из правителей не был чужд культуре и мирного строительства в целом, ни один из них не делал однозначной ставки на голое насилие, хотя степень и характер сочетания мирных и военных начал были весьма различны, что столь драматично сказывалось на судьбах общества.

Войны не возникают спонтанно. Войны вызревают, как правило, долгие годы, десятилетиями, их готовят социально-экономические и политические силы, группы (партии), государства, заинтересованные в войнах. Рассматривая многообразие сторон военной агрессии, мы не должны оставлять «за бортом» рождение «идеи войны», принятие соответствующих политических (агрессивных) решений, конкретное содержание военной деятельности государства и общества, связанных с агрессией. Здесь важно распознать систему важнейших отношений, решений, действий государств, определенных социально-политических сил, ведущих к подрыву мира и вспышке войн.

Райт сформулировал содержание *социальной функции* войны: «среди цивилизованных народов война служит как выживанию, так и разрушению государств и цивилизаций» [Wright, 1942, p. 128]. «Чем более продолжительной и разрушительной оказывалась война, тем больше изменений происходило после ее окончания» [Wright, 1942, p. 128].

Русско-американский социолог П. Сорокин подверг критике как все существовавшие множественно-причинные (плюралистические) теории, так и монистические теории относительно причин войны, попытался обосновать их полную непригодность как не отвечающих историческим фактам. В противовес им он выдвинул свою теорию. Совместно с американским ученым Квинси Райтом П. Сорокин определил индекс войн, т.е. зависимость их частоты, роста числа жертв (в процентном отношении к общему числу населения) от усиления несовместимости систем высших ценностей и норм поведения различных частей общества (классов, групп, партий и т.д.) или свойственных ряду обществ, соприкасающихся друг с другом. Имеются в виду экономические (ценность тех или иных форм хозяйствования), политические (выбор определенного государственно-политического устройства и характера власти), духовно-нравственные, правовые, религиозные, эстетические и др. системы высших ценностей (интересов). Усиление несовместимости этих ценностей при сильном развитии личных, групповых и международных отношений, согласно взглядам П. Сорокина, неизбежно

ведет к взрыву гражданских и внешних войн [Сорокин, 1993, с. 140-148].

При этом, именно, радикальные изменения высших ценностей в общественном сознании обусловили то, что в XX веке мировое сообщество в корне изменило свое отношение к допустимости, легитимности и легальности военных действий (*ius ad bellum*). Начиная от принятия пакта Бриана-Келлога (1928) и заканчивая введением полного запрета государствам на применение силы в международных отношениях, согласно Уставу ООН (1945) [20, с. 396-404].

В XXI веке «устремленность к абсолютной (тотальной) войне» трансформацией войны в новую приемлемую форму» (холодная война, дозированное применение вооруженной борьбы, более гибкое комбинирование вооруженной борьбы с экономической, политико-идеологической, подрывной тайной борьбой спецслужб и т.п.), поиск новых средств и способов ведения принципиально иных войн, нежели прежде - информационных, психологических, компьютерных и т.п.

Одним из наиболее авторитетных аналитиков современной войны является *Мартин ван Кревельд* (род. 1946 г.). В своей книге «Трансформация войны» он пишет: «Бессмысленно спрашивать, зачем люди едят или зачем они спят. Война в определенном смысле является не средством, а целью». Ван Кревельд предсказывал, что войны будущего будут, таким образом, не классическим «продолжением политики», а *своеобразной формой существования человеческого общества*. Классические представления о «войне, по Клаузевицу» состоят в том, что «игроками» в войне выступают народ, армия, правительство. По мнению М. ван Кревельда, сущность войны начала изменяться по мере того, как «отмирал» институт государства («нации-государства»), а негосударственные структуры стали проявлять себя в качестве активных «игроков» на мировой арене. В конце XX века в «игру» вступили новые «актеры агрессии» - политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. Вооруженные конфликты представляли собой уже не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия и агрессии [Кревельд, 2006].

Исходя из вышеизложенного, можно дать определение новому пониманию термина «война». *Война* – это вид социальной и политической агрессии, вооруженное и невооруженное нападение, организованная борьба между государствами или группами государств, классами, группами, нациями или народами. Война - это комплекс смертоносных и несмертоносных действий, предпринимаемых с целью подавления враждебной воли неприятеля или противника. Война может предприниматься группами или против групп, которые контролируются и спонсируются государством или не ассоциируют себя с государством. Но в любом случае война является враждебной деятельностью, направленной против неприятеля или врага. Цель войны не обязательно заключается в уничтожении противника. Цель войны заключается всего лишь в покорении (подчинении) противника. Непосредственное физическое уничтожение противника в современных условиях вовсе не является целью войны. Противник покорен, когда его поведение совпадает с тем представлением, которое агрессор имеет в отношении его поведения противника.

Современную войну могут вести как вооруженные силы государства, так и любые иные социальные группы, организации, структуры (этнические кланы, партизаны-повстанцы, банды, террористы и т. д.). Современные войны непосредственно происходят от агрессивности государств, обществ, социальных групп, правителей [Военный энциклопедический словарь, 1986, с. 151]. Военная агрессия есть тип поведения, свойств, отношений, которые выражаются

в стремлении захватывать чужие территории и богатства подчинять другие страны и народы, в нападениях на них, совершение насилия, давления, угроз и т.п.

Заключение

Таким образом, война в современном ее понимании - это сложное социально-политическое явление, вид конфронтационной политики, представляющей собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия и паравоенного (невоенного) насилия. Война влияет на все сферы общественной жизни, судьбы государств и цивилизации. Она выступает продолжением политики иными средствами (Клаузевиц). В свою очередь, современную политику можно обозначить как продолжение войны всеми возможными средствами. Современная война может и не включать в качестве обязательного признака применение *военной силы*. В постиндустриальном, информационном обществе война будет вестись не столько на сухопутных и морских театрах военных действий, сколько на культурном уровне, в сознании людей. Она связана с проблемами влияния одного разума на другой. А это остается важнейшим фактором в истории, в ходе борьбы народов за своё собственное существование и развитие.

Библиография

1. Антология средневековой мысли. В 2 т. Т.1. СПб.: РХГИ. 2001. – 539 с.
2. Аристотель. Политика // Сочинения . В 4-х томах. Т. 4. – М: Мысль, 1983. – 830 с.
3. Военный энциклопедический словарь / 2-е изд. – М.: Военное издательство, 1986. – 863 с.
4. Добренков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI в. – М.: Академический проект, 2011. – 217 с.
5. Гегель. Соч. Т. 8. Философия истории. – М., Л.: Соцэкгиз, 1935. – 470 с.
6. Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. - М.: Астрель, АСТ, 2002. – 431 с.
7. Клаузевиц К. фон О войне: в 2-х т. – М., СПб.: АСТ, 2002. Т.1. – 558 с. Т. 2. – 574 с.
8. Конрад Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве / Перевод и исследование. – М.; Л., 1950. – 404 с.
9. Кревельд Мартин ван. Расцвет и упадок государства / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 542 с.
10. Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. / Пер. с англ.; Сост.: С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 656 с.
11. Макиавелли Н. Соч. т. I. – М.: Госиздат, 1934. – 503 с.
12. Материалисты Древней Греции, Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Госполитиздат, 1955. – 239 с.
13. Ревон М. Философия войны. – СПб., 1897. – 109 с.
14. Серебрянников В.В. Социология войны. – М.: Ось-89, 1998. – 317 с.
15. Сорокин П. Причины войны и условия мира // Социологические исследования. 1993. № 12. – С. 140-148.
16. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1999. - 555 с.
17. Требин М.П. Войны XXI века. - М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 602 с.
18. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. / Пер с англ. - 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. – 477 с.
19. Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991.
20. Ryzhov V.B., Shinkaretskaia G.G. World order: after the second world war and nowadays // Международное право и международные организации. 2015. № 4. – С. 396-404.
21. Toynbee A. War and Civilization. – N. Y., 1950.
22. Toynbee A. Encounters between Civilizations/ Toynbee A. Selection from His Works. – Oxford, 1978.
23. Wright Q. A Study of War. 2 vols. – Chicago : Chicago University Press, 1942.

War in social-philosophical tradition: the experience of scientific analysis

Platon V. Agapov

PhD in Sociology,
Associate Professor,
Department of History and Theory of Sociology,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: platonbogun@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of war in philosophical and scientific tradition as a complex social phenomenon. The author considers the socio-historical and socio-cultural aspects of the war in the context of the history of Eastern (Chinese) and European social thought. The basic approaches to the analysis of war as a social phenomenon are shown. It is said that the basis of war as a social phenomenon is the interaction of causes, causes, goals, random factors and objective laws. The article notes that a change in outlook on the war occurs with a complex transformation of this social phenomenon. The modern understanding of war as a complex socio-political phenomenon is demonstrated.

For citation

Agapov P.V. (2019) Voina v sotsial'no-filosofskoi traditsii: opyt nauchnogo analiza [War in social-philosophical tradition: the experience of scientific analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (6A), pp. 162-175. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.070

Keywords

Philosophy and Sociology of War, War, War structure, social and political aggression, conflict of civilizations, philosophical, theoretical and methodological approaches, strategies.

References

1. Antologiya srednevekovoi mysli. V 2 t. T.1. SPb.: RKhGI. 2001. – 539 c.
2. Aristotel'. Politika // Sochineniya . V 4-kh tomakh. T. 4. – M: Mysl', 1983. – 830 c.
3. Voennyi entsiklopedicheski slovar' / 2-e izd. – M.: Voennoe izdatel'stvo, 1986. – 863 c.
4. Dobren'kov V.I., Agapov P.V. Voina i bezopasnost' Rossii v XXI v. – M.: Akademicheskii proekt, 2011. – 217 s.
5. Gegel'. Soch. T. 8. Filosofiya istorii. – M., L.: Sotsekgiz, 1935. – 470 s.
6. Kitaiskaya voennaya strategiya / Sost., per., vstup. st. i komment. V. V. Malyavina. - M.: Astrel', ACT, 2002. – 431 s.
7. Klauzevits K. fon O voine: v 2-kh t. – M., SPb.: AST, 2002. T.1. – 558 s. T. 2. – 574 s.
8. Konrad N.I. Sun'-Tszy. Traktat o voennom iskusstve / Perevod i issledovanie. – M.; L., 1950. – 404 s.
9. Krevel'd Martin van. Rastsvet i upadok gosudarstva / Per. s angl. pod red. Yu. Kuznetsova i A. Makeeva. – M.: IRISEN, 2006. – 542 s.
10. Liddel-Gart B. Entsiklopediya voennogo iskusstva. / Per. s angl.; Sost.: S. Pereslegin, R. Ismailov. – M.: ACT; SPb.: Terra Fantastica, 2003. – 656 s.
11. Makiavelli N. Soch. t. I. – M.: Gosizdat, 1934. – 503 s.
12. Materialisty Drevnei Gretsii, Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 239 s.
13. Revon M. Filosofiya voiny. – SPb., 1897. – 109 s.
14. Serebryannikov V.V. Sotsiologiya voiny. – M.: Os'-89, 1998. – 317 c.

-
15. Sorokin P. Prichiny voiny i usloviya mira // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1993. № 12. – С. 140-148.
  16. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii: Khrestomatiya. / Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasov. – М.: Aspekt Press, 1999. – 555 с.
  17. Trebin M.P. Voiny XXI veka. – М.: ACT; Mn.: Kharvest, 2005. – 602 с.
  18. Toinbi A. Dzh. Tsivilizatsiya pered sudom istorii: Sbornik. / Per s ang. - 2-e izd. М.: Airis-press, 2003. – 477 с.
  19. Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991.
  20. Ryzhov V.B., Shinkaretskaia G.G. World order: after the second world war and nowadays // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2015. № 4. – S. 396-404.
  21. Toynbee A. War and Civilization. – N. Y., 1950.
  22. Toynbee A. Encounters between Civilizations/ Toynbee A. Selection from His Works. – Oxford, 1978.
  23. Wright Q. A Study of War. 2 vols. – Chicago : Chicago University Press, 1942.